

УДК 903.27

В.Д. Кубарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su*

СЮЖЕТЫ ОХОТЫ И ВОЙНЫ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЯ

*Любо посмотреть и на охоту, и на собак,
и на охотников. Заглядишься, скажу вам,
на великого хана, когда он и князя кругом его
скачут с кречетами по равнине, а собаки,
смотришь, гонят с той и с другой стороны
медведей, оленей и всяких зверей.*

Марко Поло

Введение

Алтай – самая высокогорная часть Центральной Азии (рис. 1) – до сегодняшнего дня остается малоизученным в археологическом отношении регионом. На его территории сосредоточены тысячи исторических памятников всех времен: от палеолитических стоянок до ламаистских храмов и буддийских святынь. Но самыми многочисленными в алтайских горах являются наскальные изображения – петроглифы (рис. 2), учет и картирование которых до сих пор не отвечают требованиям современной науки о древностях.

На протяжении последних десяти лет в Республике Алтай и в соседней Монголии работала небольшая международная экспедиция, в составе которой кроме монгольских ученых принимали участие российские и американские коллеги (рис. 3). Работы по реализации проекта “АЛТАЙ” были в основном сосредоточены на изучении петроглифов (рис. 4), датируемых от неолита до этнографического времени [Кубарев В.Д., Якобсон, Цэвээндорж, 2000, с. 64 – 72].

В полевой сезон 2000 г. проводились исследования неизвестного ранее памятника наскального искусства в одном из труднодоступных районов Баян-Ольгийского аймака Монголии. Древнее святилище находится у подножия священной горы Шивээт Хайрхан (рис. 5), явля-

ющейся водоразделом двух небольших горных рек – Цагаан-Салаа и Хар-Салаа, при слиянии дающих начало полноводной реке Цагаан-Гол (левый приток р. Кобдо). В этом пограничном с Россией высокогорном районе (координаты: 49° 05' с.ш. – 88° 15' в.д., высота над уровнем моря около 2 500 м) открыты и частично исследованы разнообразные и разновременные археологические памятники. Древние рисунки, курганы кочевников, стелы, оленные камни, тюркские оградки и каменные изваяния были обследованы здесь еще в 1996 г. [Кубарев В.Д., 1996; Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999а; Цэвээндорж, Кубарев Г.В., 2000]. Но только в 2000 г. удалось в полном объеме провести работы по копированию наскальных изображений этой заповедной зоны.

Описание сцен и стилистический анализ персонажей

В одном из пунктов древнего святилища в долине р. Хар-Салаа (рис. 6), у северного подножия горы Шивээт Хайрхан, обнаружено редкое и компактное скопление (более 200 фигур) древнетюркских петроглифов. Рисунки выдержаны в одном стиле и выполнены в одной технике: тщательной мелкой выбивкой. Любопытно, что многие из них подновлены в позднее время не менее филигранной выбивкой и отчетливо видны на

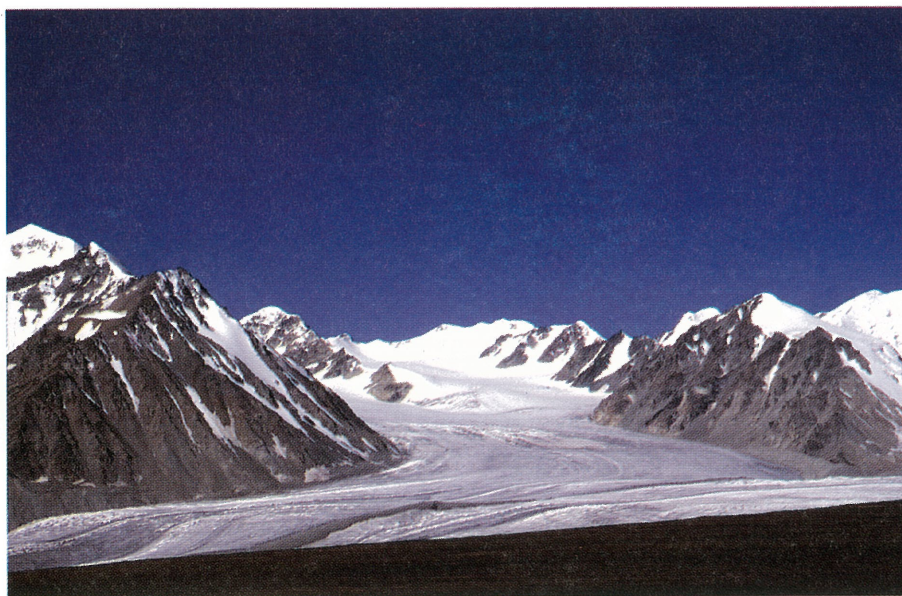

Рис. 1. Горные вершины и ледники Табын-Богдо-Ула – самая высокогорная часть Монгольского Алтая.

Рис. 2. Петроглифы в месте слияния рек Хар-Салаа и Цагаан-Салаа.

фоне скальной плоскости (рис. 7). В сюжетных сценах звучит извечная тема охоты, древний культ коня и единоборство “степных рыцарей”.

Облавная охота. Несколько композиций посвящено охоте на горных козлов. Особенно хороша и вы-

разительна миниатюра, включающая изображения пяти козрогов, пяти охотников, вооруженных луками, и изящной, тонконогой лошади (рис. 8, а). Сцена отличается продуманным и рациональным расположением фигур на каменной плоскости. В центре находятся

Рис. 3. Процесс копирования наскальных рисунков в долине р. Хар-Салаа.
Слева направо: Д. Цэвэндорж, И.Ю. Слюсаренко, Б. Гончинсурэн.

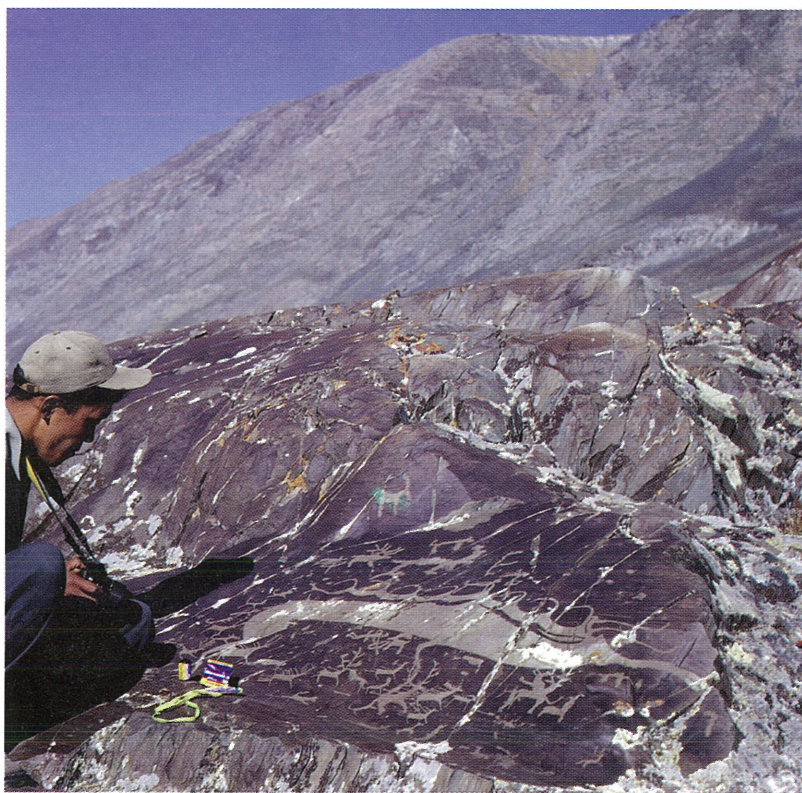

Рис. 4. Петроглифы эпохи поздней бронзы. Левый берег р. Хар-Салаа.

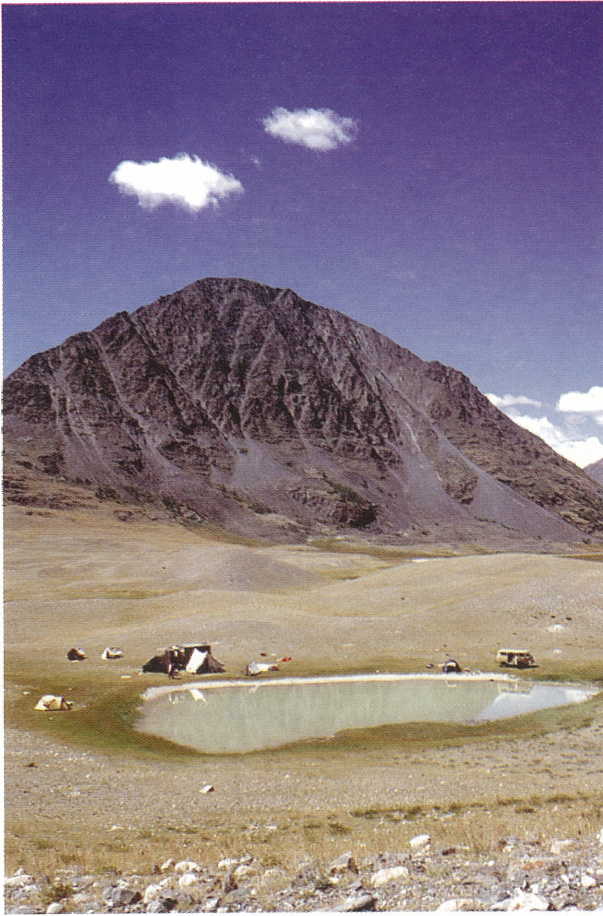

Рис. 5. Гора Шивээт Хайрхан – буддийская святыня.

козлы, стоящие в ряд и показанные в перспективе. Они ориентированы вправо и отделены от лучников глубокой трещиной и гранью камня, может быть, по замыслу древнего художника, символизирующими естественные преграды, за которыми укрываются загонщики и охотники в засаде. Возможно, сюжет передает самый кульминационный момент охоты: животные, вставшие как вкопанные перед неожиданно появившимися стрелками с натянутыми луками, слева загонщик во весь рост, преследующий козлов. В правой нижней части композиции спешившийся всадник (лук его находится еще в футляре, заседланная лошадь спутана?), бегущий на помощь охотникам, находящимся в засаде. Вторая сцена охоты практически дублирует первую, как по построению, так и по стилистике изображений. Но в ней присутствует вооруженный луком всадник, большее число (семь) фигур козлов, а лошадь, с повернутой назад головой, имеет повод, очевидно, привязанный к седлу (рис. 8, б).

Загонная охота. В других сценах, передающих основные способы верховой охоты (облава по кругу, загон с собаками, гон зверей на лошадях), объектом промысла также являются козлы, в одном случае – олени (рис. 9).

Соколиная охота. В одной сцене охоты любопытна фигура всадника, держащего в одной руке сокола или орла (?), в другой стек или небольшую булаву – престижные атрибуты знатного воина (рис. 9, а). Две хищные птицы присутствуют и в лаконичной сценке охоты на оленей (рис. 9, б). Сюжеты соколиной охоты, весьма сходные по композиционному построению,

Рис. 6. Долина р. Хар-Салаа. Вид с запада.

Рис. 7. Древнетюркские петроглифы VI – VIII вв. Левый берег р. Хар-Салаа.

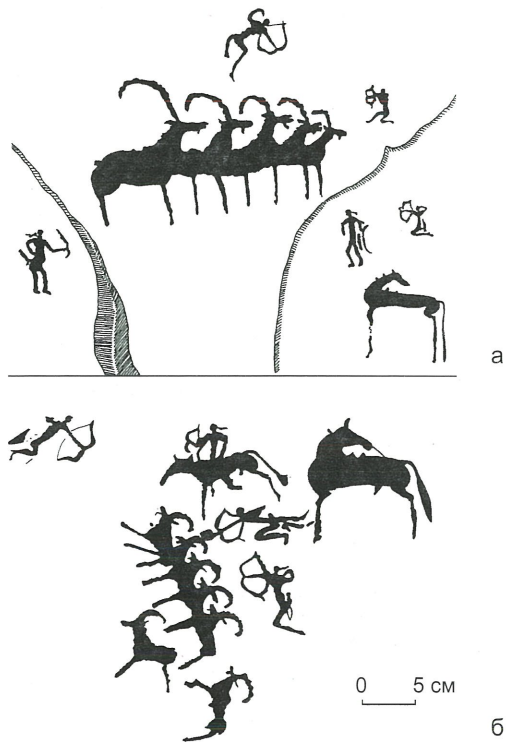

Рис. 8. Сцены облавной охоты на козлов. Левый берег р. Хар-Салаа.

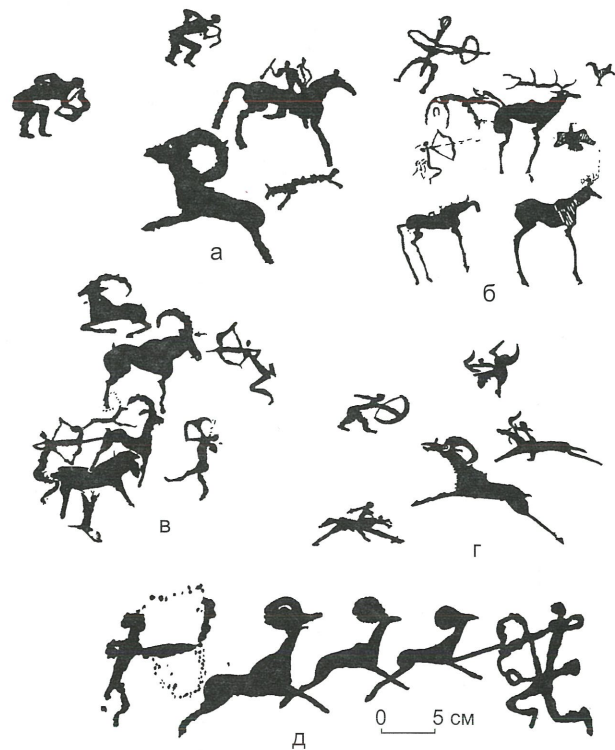

Рис. 9. Сцены загонной охоты на козлов и оленей. Левый берег р. Хар-Салаа.

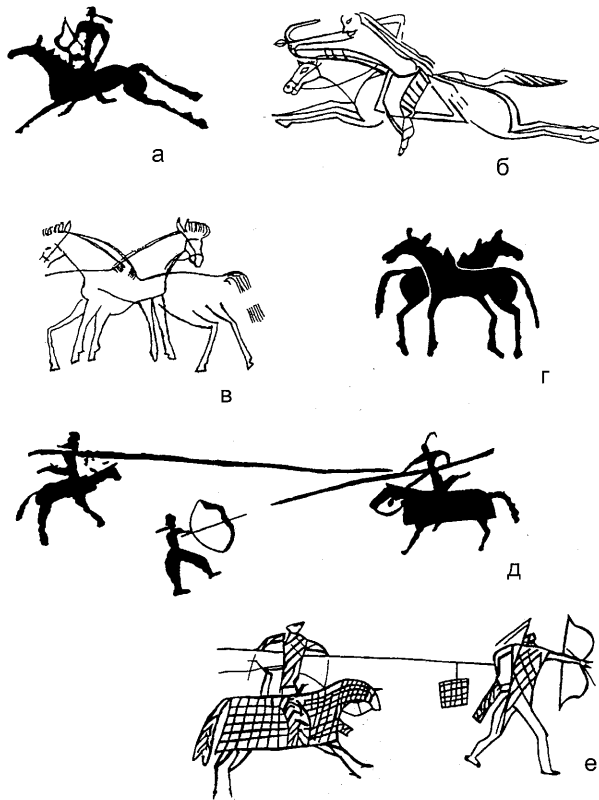

Рис. 10. Древнетюркские рисунки на скалах и предметах.
а, с, д – Хар-Салаа, б – Кудыргэ (Российский Алтай),
е – Ташеба (Хакасия), е – Жалгыз-Тобе (Российский Алтай).

встречаются также в наскальных рисунках Алтая, Казахстана [Молодин, 1992, с. 92; Елин, Некрасов, 1994, с. 283, рис. 1; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, ил. 80; Кляшторный, 2001, с. 214], и на отдельных предметах из Средней Азии [Маньлов, 1979, с. 87, рис. 1; Древности Таджикистана, 1985, ил. 435]. Возможно, ловчая птица представлена и на некоторых древнетюркских изваяниях Семиречья и Восточного Казахстана. Как правило, она показана сидящей на правой руке [Шер, 1966, табл. XXIII, изв. 105 – 109; Ермоленко, 1999, с. 113, рис. 2, 1]*. Об орлах, специально обученных монголами XIII в. для охоты, сообщает венецианский путешественник Марко Поло: “Много у великого хана... орлов, приученных ловить волков, лисиц, анти-

* Явным недоразумением можно считать ссылку Л.Н. Ермоленко на изображение птицы, якобы выбитое на алтайском изваянии из урочища Ачик в Горном Алтае [1999, с. 86]. Исследователь повторяет ошибку Н.С. Модорова, который частично сколотое изображение сосуда принял за птицу [1972, с. 47]. Следует напомнить, что изваяние из Ачика было обработано более 20 лет назад и опубликовано в сводной монографии о древнетюркских изваяниях Алтая [Кубарев В.Д., 1984, с. 190, изв. 78]. В пределах Алтая до сих пор неизвестно ни одного каменного изваяния с изображением птицы.

лоп, ланей... У птиц великого хана, а также у птиц других князей, к ноге привязана серебряная бляха, а на ней написано имя того, чья птица и кто ее держит. У всякого есть свисток и колпачок (прикрывающий голову и глаза птицы. – В.К.), могут и призвать птицу, и держать ее...” [1955, с. 115 – 116]. Любопытно, что и в настоящее время на высокогорных летниках казахских чабанов Монголии рядом с юртой или даже в самой юрте можно увидеть прирученных орлов. Традиция охоты на мелкую дичь при помощи ловчих птиц, надо полагать, не прерывалась с глубокой древности.

Охотники-лучники. В наглядных, этнографически точных наскальных “картинах” коллективной охоты кочевников – вполне обычного сюжета тюркских граффити раннего средневековья Евразии – следует отметить экспрессивные позы пеших лучников, стреляющих с колена (см. рис. 7 – 9). Такой специфический прием стрельбы из лука запечатлен и в ряде памятников наскального искусства Российского Алтая, датируемых древнетюркским временем [Минорский, 1951, с. 187, рис. 56, 1; Окладникова, 1987, рис. 2, 21; Елин, Некрасов, 1994, с. 283, рис. 1, 3; Кубарев В.Д., 1995, с. 142, табл. I, а; Kubarev V.D., Jacobson, 1996, fig. 464; Горбунов, 1998, с. 112, рис. 1, 4; Миклашевич, 2000, с. 40, рис. 1, 8]. Стреляющие с колена лучники известны по граффити Сулека в Хакасии [Киселев, 1951, с. 629, табл. LX] и батальной сцене, выгравированной на костяной пластине, обнаруженной в одном из погребений западных тюрков (VII – VIII вв.) Центрального Тянь-Шаня. По мнению нашедших ее археологов, “многофигурные композиции на пластинах из Сутуу Булака могли служить иллюстрациями к повествованию о деяниях эпических героев...” [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 243]. Данная художественная особенность, как, впрочем, и другие характерные черты изобразительного творчества древних тюрков Алтая, находят параллели во многих памятниках средневекового искусства Среднего Востока и Западной Европы.

Лошади. Все они изображены в профиль и преимущественно в движении: шаг, рысь, иноходь и галоп (см. рис. 7; 8; 9, а, с; 10, а, д; 11 – 13). Редким исключением является статичная поза, когда лошади находятся без всадников, возможно, в состоянии отдыха или когда они спутаны (см. рис. 8; 9, б; 10, с). Судя по экстерьеру, пропорциям и половым признакам лошадей на рисунках, натурой в основном послужили высокопородистые боевые кони. Некоторые из них украшены подшейной кистью и султаном-начальником на голове, имеют седла с узорными чепраками или потниками. Многие кони изображены с тщательно выстриженной гривой, что передано выступающими над шеей двумя-тремя острыми зубцами, а выбитыми на туловище кружками, крупными точками и округлыми пятнами древний художник, очевидно, хотел передать масть животного (в яблоках). Исследователями неоднократно отмечалось,

Рис. 11. Самая крупная (длина 170 см) фигура всадника из Хар-Салаа.

Рис. 12. Одиночное изображение древнетюркского всадника из Хар-Салаа.

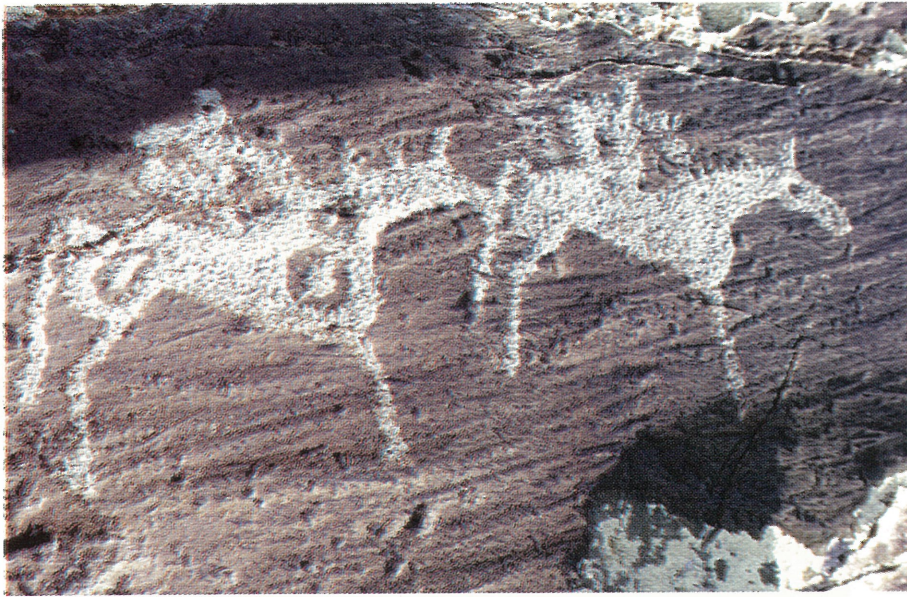

Рис. 13. Парное изображение тюркских всадников. Левый берег р. Хар-Салаа.

Рис. 14. Поединок катафрактариев. Левый берег р. Хар-Салаа.

что на петроглифах древнетюркской эпохи особо тщательно и любовно выполнены боевые кони, а всадник часто показан схематично, иногда даже в виде короткого вертикального стержня.

Всадники. В репертуаре несомненно уникальной серии шедевров наскального искусства из Хар-Салаа главенствует образ всадника: воина и охотника. Изображение вооруженного героя на великолепном породистом скакуне только на одной плоскости скалы повторяется около 30 раз. Самая большая фигура всадника расположена на скалах верхнего яруса (см.

рис. 11) и хорошо заметна с конной тропы, проложенной в нескольких десятках метров на юг от петроглифов. До сих пор таких крупных изображений тюркских всадников в Центральной Азии не было известно.

Всадники из Хар-Салаа показаны уверенно сидящими в седлах со стременами (?), в разных позах: 1) с наклоненным назад туловищем, анфас (см. рис. 8, б; 9, а; 10, а; 11, 13); 2) с наклоненным вперед туловищем, в профиль (см. рис. 9, г; 10, д); 3) прямо, с развернутыми анфас плечами (см. рис. 12). Различия в посадке обусловлены прежде всего архаичной

тюрко-монгольской традицией выездки и тренинга лошадей, а также, возможно, наличием или отсутствием оружия в руках человека. Натянутый лук чаще всего изображался у “галопирующих”, сильно наклоненных вперед всадников. Такая же посадка характерна для тяжеловооруженных воинов с копьями. На рисунках, где кони двигаются рысью или иноходью, фигура человека чаще всего прямая и развернута в фас, а луки всегда зачехлены и помещены за спиной всадника. В таком же положении фиксируются чехлы-налучья (обтянутые шкурой тигра или барса) в настенных росписях Самарканда [Маршак, 1999, с. 279, табл. 35, 3, 4; Мотов, 1999, с. 63 – 64, рис. 6, 7] и на щите из замка Калаи Муг с изображением знатного согдийского воина [Древности Таджикистана, 1985, ил. 586]. Зачехленные луки и колчаны изображены рядом с воинами на знаменитых средневековых гравюрах из Кудыргэ, Хар-Ямы и на серебряном ковше из Хазарии [Кубарев Г.В., 1998, с. 195, рис. 3]. Аналогичной формы чехлы или футляры для хранения лука со спущенной тетивой были широко распространены в VIII – IX вв. у кочевников Саяно-Алтая [Кызласов Л.Р., 1969, с. 109, рис. 41; Дэвлет, 2001, с. 77, рис. 1], Китая и Средней Азии [Горелик, 1995, с. 376, табл. 46, 12 – 17]. На некоторых монгольских рисунках нижний конец мягкого чехла лука продолжен ниже линии живота коня и его можно принять за ногу всадника (см. рис. 8, б; 9, а; 10, а; 12). У большинства же тюркских всадников ноги не показаны (видимо, они подразумеваются: вдеты в стремя (?)) и размещены на туловище коня, выше нижней линии живота), в отличие, например, от изображений эпохи поздней бронзы и скифского времени, на которых у всех всадников ноги висают почти до самой земли.

Этнографическим и, возможно, этническим признаком является прическа тюркских охотников в виде одной косы (см. рис. 8; 10, а; 11). Головной убор с рогами, наверное представляющий собой защитный шлем, отмечен только на одном изображении человека. У другого всадника детализированы черты лица – острый подбородок, большой нос, а также намечен глаз. Возможно, у него обрита голова.

Всадников на рассмотренных рисунках по указанным реалиям можно отнести к древнетюркской легковооруженной коннице. Но в петроглифах Хар-Салаа есть и редкая сцена поединка тяжеловооруженного воина-катафрактария с лучником и другим противостоящим всадником, также вооруженным длинным копьем, который выполнен менее тщательно (рис. 14).

Катафрактари. В силуэтном изображении всадника угадываются угловатые очертания шлема с плюмажем, длинный “бронированный” халат, на лошади защитная попона (см. рис. 10, д). Это все, что можно сказать о единственном на р. Хар-Салаа рисунке, представляющем алтайского “латника”. Очень близкое по

стилю силуэтное изображение средневекового рыцаря в доспехах и на коне найдено в местности Цагаан-Отог Сагил аймака [Цэвээндорж, 1999, с. 232, табл. 109, 16]. Четыре гравированных рисунка, представляющие тяжеловооруженных всадников, также открыты Э.А. Новгородовой и монгольским тюркологом М. Шинэхуу на скале Хар-Хад в Эрдэнэ-Бурэн сомоне Монгольского Алтая [Новгородова, 1984, с. 129, рис. 60]. Очевидно, одновременны им великолепные граффити с фигурами катафрактариев, выполненными на скальных выходах горы Жалгыз-Тобе (см. рис. 10, е), Кара-Оюка, Бичикту-Бомы и на плитах древнетюркских поминальных оград Юстыда на Российском Алтае [Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII, 2; Окладникова, 1988, с. 151, рис. 4, 4 – 6; Горбунов, 1998, с. 112 – 114, рис. 1 – 3]. Однако существует проблема идентификации изображений катафрактариев с реальными археологическими находками защитного вооружения и дальнейшей реконструкцией внешнего облика тяжеловооруженного всадника.

Всеми исследователями наличие пластинчатого панциря на человеке и защитной брони на коне, изображенных на петроглифах, определяется по штриховке фигур отдельными короткими черточками или параллельными и пересекающимися линиями, образующими ромбы и квадраты (см. рис. 10, е). На основании их формы (в сравнении с железными латными пластинами из погребений) и общих очертаний фигур человека и лошади произведены графические реконструкции катафрактариев и даже разработана подробная классификация воинских доспехов [Новгородова, Горелик, 1980, с. 101 – 112; Худяков, 1986, с. 158, рис. 69, с. 167, рис. 74; Николаев, 1991, с. 82, рис. 2; Соенов, Глебов, 1997, с. 153, рис. 1; Горбунов, 1998; и др.]. Следует согласиться с тем, что на отдельных рисунках действительно можно различить элементы защитного вооружения всадников, но схематичность и условность значительной части изображений не дает оснований для таких подробных и явно субъективных интерпретаций. Необходимо обратить внимание и на то, что в точно такой же технике (штриховка параллельными линиями, косая и прямая “сетка”) выполнены силуэты легковооруженных всадников и пеших лучников, головные уборы воинов, флаги, колчаны, чехлы для луков, чепраки, седла, а также многочисленные фигуры различных животных. Видимо, это был широко распространенный и чисто художественный прием в наскальном искусстве древних тюрков, позволяющий более объемно и отчетливо передать отдельные изображения на каменной плоскости. Поэтому ряд реконструкций тяжеловооруженных воинов или даже отдельных элементов катафракты по наскальным рисункам носит сомнительный характер.

Достоверность петроглифов, перенесенных со скал на прозрачные полимерные материалы, а затем и на бумагу, напрямую зависит от профессионализма и

степени подготовленности исследователя к восприятию и дешифровке иногда очень сложных, палимпсестных композиций. К неверной интерпретации приводит и недобросовестность исследователей. Нередко ранее опубликованные иллюстрации, используемые для различных реконструкций, стилизуются или даже ненамеренно (?) искажаются при небрежном копировании с авторского оригинала [Худяков, 1986, с. 163, рис. 72; Худяков, Цэвээндорж, 1992, с. 124 – 125, рис. 1, 2; Цэвээндорж, 1999, с. 254, табл. 131]. Возможно, поэтому в компилированных рисунках появляются новые детали. Так, к примеру, на двух изображениях катафрактариев из Хар-Хада (Монгольский Алтай), опубликованных и многократно дублированных Э.А. Новгородовой [Novgorodova, 1980, р. 213, р. 217; Новгородова, 1984, с. 129, рис. 60; и др.], а затем воспроизведенных в работе Ю.С. Худякова [1987, с. 184, рис. 2, 2, 4], вдруг появилась “плоская петля” под животом бронированных коней. По мнению автора статьи, “это ступенька для посадки в седло тяжеловооруженного всадника, применявшаяся до изобретения стремян” [Там же, с. 183]. В данном случае комментарии излишни...

Хронология и интерпретация петроглифов по аналогиям и письменным источникам

Принадлежность рассмотренных петроглифов древним тюркам, более тысячи лет назад оставившим свои рисунки на скалах Хар-Салаа, подтверждается многочисленными аналогиями с одновременными наскальными изображениями, открытыми как на территории Алтая, так и в сопредельных странах. Уже накоплен достаточно большой фонд древнетюркских изобразительных материалов, и поэтому определение времени создания исследованных нами произведений наскального искусства представляется не очень сложной задачей. Тем не менее приведем самые принципиальные и бесспорные параллели. Так, некоторые всадники на петроглифах Хар-Салаа, летящие в галопе и вооруженные луками, по иконографии совершенно аналогичны гравированным изображениям всадников с роговой накладкой на луку седла из Кудыргэ (ср. рис. 10, *a* и *b*) [Гаврилова, 1965, табл. XVI, 1], а также бронзовым рельефам на передней луке седла из древнекыргызского погребения в Копенском чаатасе [Киселев, 1951, с. 605, табл. LVII, 1 – 4]. Объединяет их в один культурно-хронологический ряд и одинаковый по содержанию сюжет охоты на копытных животных (см. рис. 8, 9). В такой же экспрессивной манере изображены мчащиеся во весь опор и стреляющие из лука всадники в наскальных сценах облавной охоты на Алтае, в Хакасии, Казахстане, Киргизии и Таджикистане [Елин, Некрасов, 1994, с. 283, рис. 1, 3; Киселев, 1951, с. 629, табл. LX; Марьяшев, Горячев,

1998, с. 187, рис. 217; Шер и др., 1987, с. 76, рис. 8, 2; Древности Таджикистана, 1985, ил. 247, 432].

Яркой, определяющей особенностью раннетюркских изображений лошадей из Хар-Салаа является то, что на них несколькими, чаще тремя заостренными зубцами показана выстриженная грива (см. рис. 8, *a*; 10, *a*, *z*; 11 – 14). Стрижка гривы лошади в виде трех коротких прядей известна всем коневодческим народам Евразии. Но особенно широко подобное оформление гривы лошади распространилось в средневековую эпоху у тюркоязычных народов Южной Сибири, Средней и Центральной Азии [Окладников, 1959, с. 121 – 127, рис. 69 – 73; Кызласов Л.Р., 1969, с. 109, рис. 41; Нестеров, 1990, с. 24 – 30, рис. V – IX; Кубарев В.Д., Маточкин, 1992, с. 108, рис. 46; Кызласов И.Л., 1998, с. 161, рис. 15; Медоев, 1979, рис. 62; Шер и др., 1987, с. 76, рис. 8, 1, 3; Новгородова, 1984, с. 126 – 129, рис. 57 – 60; Кубарев В.Д., 1995, с. 142, табл. I, *a*; Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999б, с. 165 – 167, рис. 3, 1; 4, 2; 5, 1, 4; и др.]. Эта характерная художественная особенность изображения гривы коня, по мнению И.Л. Кызласова, восходит к сасанидскому искусству IV – VI вв. [1998, с. 145]. На наш взгляд, данная традиция, возможно, зародилась в Центральноазиатском регионе. В Монголии, Казахстане и на Российском Алтае известны самые ранние изображения лошадей с зубчатой гривой, относящиеся к эпохе бронзы [Kubarev V.D., 1998, р. 235, fig. 24; Цэвээндорж, 1999, с. 312, табл. 189; Kubarev V.D., Jacobson, 1996, fig. 405; Марьяшев, Горячев, 1998, с. 90, рис. 32, 33, с. 136, рис. 117, с. 142, рис. 127, с. 152, рис. 151; и т.д.]. Зубчатые гривы представлены также на войлочном ковре из Пазырыка, где изображены боевые породистые кони, и на синхронных петроглифах Алтая [Кубарев В.Д., 1999, с. 87, табл. II, 1, 6, 9, 18], и на предметах с рисунками, воспроизводящими сакских и бактрийских всадников [Древности Таджикистана, 1985, ил. 219, 247]. А.П. Окладников посвятил несколько страниц своей книги происхождению традиции изображения грив курьканских лошадей в виде зубцов. Отмечая важное значение этой характерной детали, он привел широкий круг аналогий от Причерноморья до Китая, датируя наиболее древние изображения лошадей с такой гривой V – IV вв. до н.э., а самые поздние VIII в. н.э. [Окладников, 1959, с. 127].

В семантическом плане интересен сюжет с двумя противостоящими конями (рис. 10, *z*). В самом общем виде он напоминает композиции противоборства коней, расположенные на лицевой стороне бронзовых поясных пластин, датируемых хуннской эпохой [Кузьмина, 1978, с. 103], но полное сходство можно усмотреть при сравнении с рисунками на таштыкских деревянных планках, найденных в Ташеба и Тепсее (см. рис. 10, *в*). М.П. Грязнов выделяет в них три главных сюжета: охотничьи сцены или бег зверей, батальные сцены и угон военной

добычи, – вероятно, навеянных, по его мнению, фольклором таштыкских племен [1979, с. 145]. Э.Б. Вадецкая приводит уточненные прорисовки тепсейских и ташебинских планок, сделанные художником В. Войнером, полагая, что “рисунки людей на планках являются источником для изучения одежды, оружия и причесок таштыкской эпохи” [1999, с. 109]. Возможно, сюжет противопоставленных коней семантически связан и с таштыкскими бронзовыми бляшками в виде парных геральдических голов лошадей [Грязнов, 1979, с. 119, рис. 70, 1 – 5]. В наскальных изображениях этот художественный мотив появляется также в эпоху бронзы, о чем свидетельствуют недавно опубликованные монгольские рисунки из местности Паалуу [Ким Чхон Бэ и др., 1998, с. 55, рис. 37, 38]. Популярность сюжета двух коней-близнецов в искусстве кочевников, может быть, связана с индоиранскими мифологическими представлениями об Ашвинах – сыновьях солнца и кобылицы Ашвини [Кубарев В.Д., 1980, с. 62] или объясняется каждодневными наблюдениями кочевников за жизнью животных.

Китайские и арабские письменные источники характеризуют тюрков как опытных коневодов, искусных в тренинге наездников, ловких охотников и храбрых воинов. Так, в послании ал-Джахиза, написанном в середине IX в., перечисляются достоинства тюркского всадника, который “превосходит (всех) обьезжающих лошадей в приручении лошади... Он принимает ее при рождении, выращивает ее жеребенком. И она следует за ним, если он ее зовет, а если он скачет, то скачет за ним... Тюрков никогда не двигается в войске, как другие люди, и никогда не двигается по прямой. (Он) отделяется от войска вправо и влево, поднимается на вершины гор и старается проникнуть на дно долин в поисках дичи; и он при этом стреляет во все, что ползет, медленно передвигается, летит и падает. А если люди достигают реки и теснятся... на мосту через нее, он подтягивает подпруги, сообщает что-то своей лошади по секрету и побуждает ее спуститься (в воду), а затем появляется на той стороне” (цит. по: [Мандельштам, 1956, с. 230 – 231]). Арабского автора ал-Джахиза также поразило непревзойденное искусство стрельбы из лука на полном скаку лошади: “Тюрков... стреляет, гоня свою лошадь во весь опор назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз. Он выпускает десять стрел прежде, чем хариджит положит одну стрелу на тетиву. У тюрка четыре глаза: два на лице и два на затылке. А если он отстывает, то (все равно) он (как) смертельный яд и неизбежная смерть, потому что поражает своей стрелой (стреляя) назад так же, как поражает ею (стреляя) вперед” (цит. по: [Там же, с. 230]). Приведенная характеристика, конечно, идеализирует образ благородного и непобедимого тюркского воина, но она вполне соответствует рассмотренным нами изображениям древнетюркских всадников, принимающих участие в охоте и рыцарских турнирах.

Возможно, отдельные охотничьи и военные сцены из Хар-Салаа передают в лаконичной форме изобразительных цитат фрагменты зародившегося на Алтае тюрко-монгольского героического эпоса, в котором главными персонажами были баатыр-воин-охотник и его боевой конь. Но эта тема требует специального исследования и уже достаточно подробно освещена учеными [Жирмунский, 1974; Липец, 1984; Суразяков, 1985; и др.].

Заключение

Итак, опираясь на письменные источники и новые изобразительные материалы из Хар-Салаа (датируемые по приведенным аналогиям VI – VIII вв.), можно сделать вывод, что охотничье и военное искусство тюркских всадников Алтая впитало в себя многовековой опыт и все достижения своих предков – древнейших скотоводов Центральной Азии. Использование лошади как тягловой силы и под седло, ее снаряжение и система тренинга были известны на Алтае уже в эпоху бронзы. Тюрки унаследовали и традиционное для древнего населения Монголии вооружение: лук, стрелы, дротики, палицы, копья, щит, панцирь, кольчугу и шлем. Они использовали в военных действиях древнейшую тактику всех кочевников – стремительную атаку и “бегство” с поля боя, в результате которого противник нес еще большие потери.

Таким образом, отдельные страницы истории коневодства в горах Алтая, насчитывающей не менее пяти тысячелетий, запечатлены и на скалах небольшой горной реки Хар-Салаа. Примечателен тот факт, что ее живописная долина, с обильным травостоем, богатым и разнообразным животным миром, окруженная высочайшими горами Алтая, находится на территории биосферного заповедника республиканского значения. Вполне возможно, она с древней поры служила заповедным местом – *куруком*, по древнетюркским письменным источникам [Кляшторный, 2001, с. 213], – где проходили всенародные праздники, состязания баатыров, облавные охоты и отработка приемов ведения войны – главного занятия древних и средневековых кочевников Центральной Азии.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 438 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.

Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном

веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 102 – 128.

Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 359 – 430.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89 – 146.

Древности Таджикистана: Каталог выставки. – Душанбе: Дониш, 1985. – 344 с.

Дэвлет М.А. Два наскальных изображения средневековых воинов из Тувы // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. – С. 76 – 78.

Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1994. – С. 116 – 122.

Ермоленко Л.Н. Древнетюркское изваяние с птицей из Восточного Казахстана // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1999. – С. 86 – 91.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974. – 727 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.

Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 213 – 215.

Книга Марко Поло. – М.: Географгиз, 1955. – 376 с.

Кубарев В.Д. “Конь счастья” в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения. – Новосибирск: ГПНТБ, 1980. – С. 58 – 70.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кубарев В.Д. Новые петроглифы Алтая // Алтай – Космос – Микрокосмос: Тез. 3-й Междунар. конф. – Барнаул: Аккем, 1995. – С. 141 – 145.

Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Монголии // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 136 – 139.

Кубарев В.Д. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 84 – 92.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.И. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1992. – 120 с.

Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвэндорж Д. Алтай – заповедная зона // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2000. – Т. 2. – С. 64 – 77.

Кубарев Г.В. К вопросу о саадном или “стрелковом” поесе у древних тюрков Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – С. 190 – 197.

Кубарев Г.В., Цэвэндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и оз. Даян (Монгольский Алтай) // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999а. – № 4. – С. 169 – 183.

Кубарев Г.В., Цэвэндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999б. – С. 157 – 169.

Кузьмина Е.Е. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 103 – 108.

Кызласов И.Л. Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдигей: (Факты вторичного использования древнетюркских оградок VI – VIII вв. в раннем средневековье) // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – № 3. – С. 145 – 165.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 212 с.

Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М.: Наука, 1984. – 264 с.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата: Онер, 1985. – 144 с.

Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в “Послании Фатху б. Хакану” ал-Джахиза // Тр. Института истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. – Т. 1: Археология. – С. 227 – 250.

Манылов Ю.П. Бронзовая накладка со сценой охоты из Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 86 – 88.

Маршак Б.И. Согд V – VIII вв.: Идеология по памятникам искусства // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 175 – 191.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: 21 век, 1998. – 206 с.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 173 с.

Миклашевич Е.А. Петроглифы долины реки Урсул // Обзорение 1994 – 1996 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – С. 38 – 42.

Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 184 – 188.

Модоров Н.С. Каменные изваяния и наскальные рисунки Горного Алтая // Археология и краеведение Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1972. – С. 47 – 48.

Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 91 – 93.

Мотов Ю.А. Изображение мистерии праздника Михраган в настенных росписях Афрасиабского дворца // История и археология Семиречья. – Алматы: 21 век, 1999. – С. 57 – 81.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 143 с.

Николаев Н.Н. Защитное вооружение курьякан VI – X веков // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. – С. 77 – 86.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. – М.: Наука, 1980. – С. 101 – 112.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 211 с.

- Окладникова Е.А.** Образ человека в наскальном искусстве Центрального Алтая // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 170 – 180.
- Окладникова Е.А.** Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140 – 158. – (МАЭ; Вып. 42).
- Соенов В.И., Глебов А.М.** Средневековый алтайский шлем // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 152 – 154.
- Суразаков С.С.** Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1985. – 256 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 269 с.
- Худяков Ю.С.** Образ воина в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150 – 167.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Сутуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 242 – 245.
- Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д.** Изображения воинов на петроглифах Хушот-Дурбэн-Уул-1 // Наскальные рисунки. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 123 – 130.
- Цэвээндорж Д., Кубарев Г.В.** Новые древнетюркские изваяния Монгольского Алтая // Обозрение 1994 – 1996 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 199 – 200.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.
- Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С.** Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. – С. 70 – 78.
- Монголы Амгакхва (Петроглифы Монголии)** / Под ред. Ким Чхон Бэ. – Сеул: Ёль хва дан, 1998. – 144 с. (на кор. яз.).
- Цэвээндорж Д.** Монголын эртний урлагийн туух (История древнего искусства Монголии). – Улаанбаатар: Gamma, 1999. – 317 с. (на монг. яз.).
- Kubarev V.D.** Rock art of Altai mountains // Korean Ancient Historical Society. – Seoul, 1998. – N 29, December. – P. 203 – 239.
- Kubarev V.D., Jacobson E.** Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altaï). Repertoire des petroglyphes d'asie centrale. – P.: Diffusion de Boccard, 1996. – T. V. 3, F. 3. – 45 p. + 665 fig.
- Novgorodova E.** Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: Verlag E.A. Seeman, 1980. – 280 p.

Материал поступил в редколлегию 26.04.2001 г.

УДК 903'1.22

С.Н. Коробейников¹, Ю.С. Худяков²

¹Институт гидродинамики им. М.А. Лаврентьева СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 15, Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия
E-mail: alisa@bronze.archaeology.nsc.ru

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Введение

Важным фактором эволюции военного дела в кочевом мире в периоды древности и средневековья было появление и развитие защитного вооружения. Применение металлических защитных средств способствовало снижению потерь в живой силе, повышало агрессивность и уверенность воинов в своих силах в ходе боев [Горелик, 1993, с. 80].

Одними из первых универсальных средств защиты воинов были, вероятно, щиты из органических материалов. О возможности их применения представителями племен развитого бронзового века в западных районах Центральной Азии могут свидетельствовать бронзовые наконечники копий с длинным двухлопастным пером и крюком на шейке втулки. Такие копья могли использоваться не только для пробивания защитной преграды, панцирей из костяных пластин или плетеных щитов, но и для выдергивания щита у противника и лишения его возможности защищаться [Худяков, 1995, с. 83].

Появление металлических средств индивидуальной защиты воинов в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе относится к позднему бронзовому веку, отмеченному широким распространением боевых колесниц и тактики колесничного боя. Судя по изображениям на оленных камнях, основным ударным оружием ближнего боя воинов-колесничих были чеканы или клевцы с длинной рукояткой и втоком, а также кинжалы. Для защиты использовались пятиуголь-

ные щиты с умбонами и защитные пояса, в состав которых входили колесничные пряжки [Худяков, 1993, с. 70].

В позднем бронзовом и раннем железном веке для защиты от ударов чеканом у кочевников восточных районов Центральной Азии были бронзовые шлемы со сферическим куполом и наушами [Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000, с. 144]. В скифское время центрально-азиатские номады имели на вооружении бронзовые шлемы, защитные пояса, составные щиты из кожи и деревянных деталей [Горелик, 1993, с. 113; Кочеев, 1998, с. 83 – 85]. Наиболее ранние железные панцирные пластины в Центральной Азии относятся к хуннскому времени. При раскопках хуннского Иволгинского городища в Забайкалье был обнаружен фрагмент чешуйчатого доспеха из четырех рядов коротких железных пластин с округлым нижним краем [Давыдова, 1985, с. 49]. В китайских источниках упоминаются хуннские латы, кожаные доспехи и деревянные щиты [Таскин, 1973, с. 129]. В комплексах культуры сяньби обнаружены железные пластины чешуйчатого панциря и шлема. Согласно реконструкции доспехов по находкам из могильника Лаохэшэнь, панцирь представлял собой жилет с оплечьями, а шлем – сферический купол из длинных пластин с навершием и бармицей [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, с. 41]. Об использовании стальных лат жужанями сообщают китайские источники [Бичурин, 1950, с. 200]. Для кочевников Южной Сибири в хунно-сарматское время были характерны доспехи, изготовленные из органических материалов [Худяков, 1986, с. 103]. На рубеже периода древности и эпохи средневековья панцири из железных пластин появились у кочевников в Верхнем Приобье, древних тюрков в

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 01-06-80245.